

УДК 1(091)+39:316

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.4.078

Этническое сознание: основные линии анализа

В.А. Михайлов, С.В. Михайлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируются основные направления исследований этнического сознания. Раскрываются их возможности и междисциплинарный характер. Прослеживаются ключевые тенденции этногенеза и особенности этнического сознания на каждом из его этапов. Охарактеризованы некоторые важные особенности исторического развития русского этнического сознания.

Ключевые слова: народность, нация, племя, род, этническая группа, этническая идентификация, этническое сознание, этногенез.

Этническое сознание является неотъемлемым, но одновременно относительно самостоятельным элементом этноса как большой социальной группы. Так, у того или иного этноса в тот или иной исторический промежуток его существования может начисто отсутствовать тот или другой «объективный» признак (например, «своя» территория у евреев диаспоры, «свое» государство у славян Австро-Венгерской империи), однако этническая группа все равно «субъективно» осознает себя существующим и целостным организмом. Таким образом, если есть (и пока есть!) этническое сознание, – существует и сам этнос, хотя бы его при этом и лишили большинства так называемых «объективных» атрибутов.

Сущность (природа) этнического сознания. Термин «этническое сознание» состоит из двух одинаково значимых слов и его категориальное содержание предопределяется, с одной стороны, содержанием составляющих его понятий, а с другой – особенностями трактовки взаимосвязей денотатных миров данных понятий.

Так, если мы признаем, что именно субъективный фактор придает этносу объективно непреходящий характер и позволяет претендовать на статус большой социальной группы, то тогда неизбежно сознание начинает рассматриваться в качестве конструирующей детерминанты. Например, такой методологический подход, как конструктивизм, рассматривает нацию исключительно как продукт творческого воображения (в основном, со стороны писателей, политиков, некоторых ученых). Бенедикт Андерсен в своей книге с говорящим названием «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» вообще утверждает, что нации и есть типичные воображаемые сообщества [1].

Действительно, если мы учтем тот факт, что ни один из так называемых «объективных» признаков нации не мог и не может однозначным и надежным образом представлять эту самую нацию, то следует признать: без учета места и роли этнического сознания сквозная линия в развитии этноса вообще может и не просматриваться, а отдельные его этапы (род – племя – народность – нация) неизбежно начинают выступать как чисто «идеальные типы», придуманные

исследователями для объяснения непрерывности исторической памяти народов, или никак не связанные друг с другом социальные феномены.

В определенных границах с подобной точкой зрения можно согласиться, ибо этническое сознание – при всех его неизбежных внутренних трансформациях – это непрерывное признание этносом своей непреходящей самости, сохранение и наследование этноцентризма. Известно, что французская знать эпохи крестовых походов осознавала себя потомками франков-завоевателей (этносоциальное противопоставление завоеванным галлам), тогда как во времена Великой французской революции общественному мнению со стороны очередного субъекта этнического самосознания была предложена прямо противоположная точка зрения: галлы, а не франки становятся истинными пращурами французов (социально-политическое противопоставление духу сословности и аристократизма). В последующем данная альтернативность нивелируется, а сквозная линия исторической памяти остается.

Примордиализм – как противоположная позиция при описании природы этнического сознания – направляет исследовательские поиски в противоположном направлении (от сознания к этносу). Но при этом сам этнос начинает представляться как исконная (изначальная, примордиальная) данность. На этом пути этничность приобретает онтологическую сущность, а этническая принадлежность рассматривается как вечный «зов природы» в предельном случае получается, как у Петера ван ден Берге: этническая группа обречена на воспроизведение этнической идентичности, ибо она заложена в генотипе ее членов [7].

Сильная сторона данного подхода состоит, прежде всего, в том, что он предполагает поиски объективных детерминант в эволюции этнического сознания. Например, начало этногенеза Л.Н. Гумилев с социобиологических позиций привязывает к мутации, вследствие чего у какой-то группы людей появляется особое качество – пассионарность (тяга к действию) [3]. Эволюционно-историческое направление примордиализма переводит внимание исследователя с географических и генетических предпосылок существования этнических групп к социальным условиям и, тем самым, вносит эволюционную линию в изучении этничности. Тем не менее у всех представителей данного направления элемент онтологичности остается неизбыtnым, поэтому всем без исключения корифеям примордиализма трудно, например, объяснить известные факты смены индивидуальной и коллективной этнической идентичности.

Комментируя неизбежные трудности в отстаивании подобной позиции, В.А. Тишков отмечает: «Хотя Л.Н. Гумилёв отводил определенный жизненный путь для каждого из этносов и даже придумал некую внутреннюю эволюцию – от молодости до смерти/гибели, но ни одного примера такого завершенного жизненного пути им не было названо, как и не был определен “первотолчок” для рождения этноса» [6, с. 9]. И завершает свои размышления весьма характерным замечанием: «Одна из проблем нашей сегодняшней науки – это отсутствие устраивающего, работающего определения самого понятия “этничность”» [6, с. 14].

Носитель(и) этнического сознания. Вопрос о субъектной базе этнического сознания остается одним из главных и спорных в рамках разбираемой проблематики. В свое время С. Оссовский попытался описать этнические процессы Нового времени с помощью понятий «большого» и «малого» кругов: «малый круг» – как ядро господствующего класса – с помощью создаваемой им идеологии консолидирует «большой круг», т. е. народ, пассивно принимающий и

разделяющий эту идеологию. Это вполне укладывается в концептуальные рамки так называемого инструментализма, согласно которому нации – не более, чем «иллюзии» и выдумаются элитами исключительно для мобилизации этнических групп на основе манипуляций этническими символами и наличных ресурсов.

В целом, субъектная база этнического сознания на всех этапах своей эволюции имеет трехчастную структуру: индивид (личностное начало) – субъект (носитель этнического самосознания) – этнос в целом (носитель этнического сознания). Как правило, «верхи» выступают в качестве организаторов этнического сознания (инициаторы обновления), а «низы» – как его хранители (охранители). При этом одной из главных тенденций развития этнического сознания является нарастание его субъектной базы, а одним из признаков его «национальной» стадии становится превращение простого народа в носителя этнического самосознания.

В родоплеменном обществе этнос представляется вечным и сакральным, поэтому этническая общность пока не требует обоснования своего существования, наоборот, именно она есть основа всей остальной жизни. Социальные связи и отношения с окружающей природой опосредованы трансцендентным субъектом (тотем, предок). Этническое сознание не структурировано, ибо половозрастной тип социальной стратификации общества является господствующим и определяющим. На уровне народности место предка занимает правитель, а в качестве субъекта национального самосознания начинают выступать вожди, князья, церковь. Причем последние вовсе не преследуют собственно национальных целей: для одних главными являются политические, для других – конфессиональные цели. Здесь можно вспомнить большинство исторических руководителей союзов племен, послуживших субстратом будущих народностей.

Итак, каждый новый этап в развитии этнического сознания требует вступления и укрепления на исторической арене нового субъекта этнического самосознания. Например, в период формирования Киевской Руси и древнерусской народности это были князья и церковь, а в эпоху складывания Московской Руси и великорусской народности – дворянство и чиновничество. Индустриализация формирует целый социальный слой (интеллигенция), специфическим предметом труда которого становятся этнонациональные компоненты общественной жизни (общенациональный язык, общенациональная культура и т. п.). Таким образом, если до «нации» различные субъекты этнического самосознания лишь эксплуатировали идею этнического единства (московское обоснование войн с Литвой и Польшей ради общерусского воссоединения), то с началом формирования наций появляется целый класс людей, готовых подчинить сами социальные идеи и институты задаче укрепления национальной идеи и становления национального государства. Этническое сознание здесь уже характеризуется четким и определенным субъектом и объектом, что свидетельствует о завершении выделения его в качестве самостоятельной формы массового сознания.

Каждый новый субъект этнического самосознания творит новый тип этнической общности на фоне и на основе экономических, политических, социальных и иных фундаментальных изменений. При этом все время приходится выстраивать новую иерархию «мы». Так, при переходе от родоплеменного строя к древнерусской государственности князьям в борьбе за укрепление и распространение нового «мы» («русская земля») пришлось преодолеть два всесильных в прошлом этнических маркера – более широкий («славяне») и более узкий («словене», «кривичи» и т. д.).

Структура этнического сознания. Это самый большой и трудный вопрос для всей разбираемой тематики, т. к. постановка и его решение зависит (меняется) от соответствующего подхода и угла зрения на состав и механизмы взаимодействия различных элементов этнического сознания. Например, при объяснении национализма некоторые исследователи делают упор на идеологическом уровне, другие – отдают предпочтение социально-психологическим факторам развертывания нацизма, а третья – вообще считают необходимым обратиться к индивидуальному сознанию (да еще к его подсознательной части, сводя даже психологический и социально-психологический компоненты анализа к психиатрии). Вот показательная цитата: «Я понимаю национализм более широко – как естественную эмоциональную реакцию, идущую от психологии малого ребенка» [2, с. 173]. Кстати, национализм (наиболее чистая и развернутая форма этноцентризма) как раз является и проявляется в неразрывном единстве национальной идеи, национального чувства и подсознательных индивидуальных желаний и коллективных установок. Удельный вес того или иного структурного компонента бывает разным – как в разные исторические периоды, так и в один и тот же период (в зависимости от характера межэтнических отношений и степени национальной озабоченности).

Таким образом, с точки зрения структурного анализа наиболее плодотворным является подразделение этнического сознания на три взаимосвязанных уровня – идеологический (носитель этнического самосознания), социально-психологический (носитель этнического сознания) и личностный. Если первый является выражением общеэтнических интересов в рационализированной и систематизированной форме, поданной в контексте борьбы с другими этническими интересами, то последний (личностный) уровень характеризуется наличием положительно окрашенных автостереотипов и негативно окрашенных гетеростереотипов. Конечно, место и роль индивидуального начала в этническом сознании необходимо изучать лишь с той стороны и в той мере, с(в) какой индивидуальное сознание включено в коллективное сознание. Однако это не отменяет учета личностно-индивидуального начала в исторических трансформациях этнического сознания.

Социально-психологический уровень – главное звено любого массового сознания: оно выступает в качестве необходимого посредника между личностным и идеологическим уровнями. С одной стороны, индивидуальные подсознательные желания составляют необходимую материальную основу для объединения верхов и низов этноса, субъекта и объекта национального движения. С другой, – только в рационализированной форме (идеологический уровень) удается объединить эти самые разные индивидуальные намерения и устремления и подчинить их той же «национальной идеи».

Этнос, как одна из больших социальных групп, развивается в тесной связи с другими постоянно эволюционирующими большими и малыми социальными группами. Уже в силу этого на каждом историческом этапе этническое сознание приобретает свои уникальные характеристики. Так, на уровне родового сообщества, когда род выступает как этнос, семья, социальная структура и т. д. одновременно, мы наблюдаем синкретизм всех духовных образований. Буквально обо всех общественных формах приходится говорить с прибавлением слова «квази»: здесь нет современной семьи (брак и родство противостоят друг другу), отсутствует привычная нам социальная структура (господствует половозрастное деление общества), существует предполитическая (потестарная) организация общества. В этих

условиях этническое сознание не способно выделиться в самостоятельную единицу, т. к. слито со всеми иными группоцентризмами. Тут и этнос существует в незнакомой нам форме. Недаром применительно к данному периоду В.А. Шнирельман и другие исследователи предпочитали говорить о «протоэтносе» [8], ибо в силу практической растворенности индивидуального «я» в коллективном «мы» и отсутствии серьезных конкурентов у родового «мы» (оно пока не раздроблено и не подчинено сверхродовым социальным группам и социальным институтам) этноцентризм носит абсолютный характер, хотя самого этнического сознания в чистом виде еще нет.

На народностном этапе развития этнического сознания характер его связи с индивидуальным сознанием, а также с разными иными формами общественного сознания уже существенно изменяется. Так, этнос из достаточно небольшой социальной группы (род) превращается в разновидность больших социальных групп (народ). При этом преодолевается былая слитность с другими «мы». Выстраивается определенная иерархия «мы», между которыми начинается политico-идеологическая борьба за доминирование в массовом сознании. В этот период индивидуальное «Я» получает известную автономию, но все еще намертво привязано к конкретному «Мы» (сельская община, сословие, вероисповедание и т. п.). Ле Гофф пишет: «Пытаясь приблизиться к людям Средневековья в их индивидуальности, мы неизменно утверждаемся, что индивид, принадлежавший, как и в любом другом обществе, сразу к нескольким общинам и группам, не столько утверждался, сколько полностью растворялся в этих общностях... Средневековый индивид был, таким образом, опутан сетью обязательств и солидарностей, вступавших в конечном счете в противоречие друг с другом, что давало человеку возможность освободиться и самоутвердиться в результате неизбежного выбора» [4, с. 261]. На уровне нации индивидуальное «Я» получает формальную свободу в отношении любых «Мы», хотя и не освобождается от реального растворения в некоторых из них.

Кардинальным представляется тот факт, что уже при переходе от рода к народу этническое «мы» структурируется и иерархизируется и поэтому оказывается способным к беспрерывному развитию. Если бы оно оставалось абсолютно стабильным и непроницаемым, то рано или поздно обязательно исчезло (при смене объекта отражения, т. е. при появлении новых видов этнодетерминант).

Известно, что именно в XVII–XVIII вв., когда начинает активно формироваться национальный «изм», большое развитие получает классический либерализм с его ориентацией на приоритет индивидуальных прав и свобод личности. Оказалось, что складывающееся государство-нация прямо-таки вынуждено было пойти на культивирование индивидуализма, чтобы преодолеть внешнациональный и надгосударственный корпоративизм, антигосударственный сословный дух и тем самым, постепенно освобождаясь от средневековых социальных институтов, укрепить собственные основы.

Индивидуальное «я», получив возможность идентифицировать себя с несколькими «мы», обретает относительную самостоятельность в отношении каждого из них. Именно здесь появляется субъектная база для преобразования прошлых форм массового сознания. Например, первые древнерусские князья выступили как вне- (вероятно, они были инонородцами, «варягами»), над- (объединили воедино отдельные родоплеменные союзы вятичей, кривичей, дреговичей и пр.) и антиродовая сила (сломали идеиную основу родового строя – язычество).

Детерминанты этнического сознания. В качестве причин, обусловливающих развитие этнического сознания, выступают три основные

группы явлений: а) объективные факторы – характер и уровень хозяйственной жизни, социальная структура сообщества, политическая организация общества и пр.; б) субъективные факторы – различные формы общественного и массового сознания; в) самодетерминация, а именно – кумулятивная энергия самого этнического сознания.

Анализ коэволюционных взаимосвязей этногенеза с тео-, социо-, лингво-, политогенезом и т. д. позволяет выявить многие важные подробности общественного развития. Этническая самоидентификация («мы») проистекает, как минимум, из общности языка, территории, экономической, государственной и культурной жизни. Так, в историческом развитии наблюдается явная корреляционная детерминация социальной структуры общества и этноса: род не знает социально-классовой структуры, народ предполагает устойчивое сословное деление общества, а нация требует интенсивной вертикальной и горизонтальной мобильности. Наглядно прослеживается историческое сопряжение этноса и религии: род базируется на тотемизме и аналогичных верованиях, а переход к народу повсеместно затребовал введения мировых религий) и т. д. Естественно, степень важности этих и иных детерминант этнической консолидации в те или иные исторические эпохи весьма разная.

Особо следует подчеркнуть, что в качестве «объективных» детерминант в развитии этнического сознания выступают многие «субъективные» факторы, например, различные формы группоцентризмов. При этом любая господствующая форма общественного сознания (на данный момент времени) обуславливает господство соответствующего этномаркера в структуре этносознания (в средневековой Руси: русский = православный). Существует даже определенная синхронизация: при переходе к новому этапу в развитии этнической общности мы наблюдаем новую связку этноса с новым(и) ведущим(и) социальным(и) элементом(ами), одновременно – новую структуру этнического сознания, а также новый заглавный этномаркер.

Накапливаемое культурное, идеологическое и прочее мировоззренческое наследство также детерминирует развитие этнического сознания. Даже более того: именно самодетерминация последнего отражает и выражает феномен непрерывности исторической памяти любого народа.

Сквозной, проходящей через все исторические эпохи и этапы этногенеза тенденцией является постепенный переход от «объективных» конструктов самоидентификации («по крови», по конфессиональной принадлежности и пр.) к субъективным способам этнического самоопределения. В итоге – в эпоху наций и особенно постнационаций («американец», «европеец», «советский человек» и под.) – индивидуальное, сознательное и свободное определение своей этнической принадлежности выдвигается на первое место и закрепляется законодательно.

Содержание этнического сознания. В качестве содержания этнического сознания выступают конкретно-исторические этнодетерминанты, но – явленные в своей субъективированной форме, т. е. в виде разнообразных этномаркеров, которые выполняют функции закрепления этнических ценностей и символизации этнической общности. Набор этноидентификаторов составляет основное содержание этнического сознания.

Раскрывая общий характер этнических маркеров, можно отметить, что, как правило, это такие явления социальной жизни, которые имеют почти такую же долгую историю, как и сам этнос, – например, язык (современный русский не понимает древнерусского языка, но признает его своим). Или – по крайней мере –

данные социальные феномены должны иметь такую же длительность, какую имеет очередная историческая форма этноса. Эволюция этих социальных явлений связана с этносом обязательно положительным образом (вследствие этого данная связь как раз и закрепляется в памяти народа). Именно через посредство всех этих явлений и проходит базовое базовое противопоставление «мы-они» (вследствие этого количественная длительность памяти наполняется качественным конкретно-историческим содержанием).

В каждый исторический период господствующая форма общественного сознания формирует ведущий этномаркер в структуре этнос знания и тем самым задает иерархию расположения этномаркеров. Например, в средневековой Руси русский это, в первую очередь, православный, т. е. в этот период религия, обладая первенствующим и всепроникающим характером, становится важнейшим этноконсолидирующими (равно – этноразъединяющим) фактором.

Синхрония этно- и теогенеза вообще многое проясняет в исследованиях содержания этнического сознания, особенно применительно к прошлым периодам исторического развития. Интересен парадокс приобщения Древней Руси к христианству: к 988 г. «верхи» ведут антихристианский образ жизни (война – основное занятие, языческое мировосприятие и т. п.), но именно они не только первыми приняли христианство, но «огнем и мечом» навязали его широким народным массам. Князь и разноплеменная дружины в борьбе с прежней (родоплеменной) верхушкой должны были не просто принять выгодную им новую религию (надплеменной характер, политическая поддержка могучего соседа и т. п.), но и обязательно уничтожить старых идолов. Используя христианство, княжеская рать субъективно боролась за власть и привилегии, а объективно создавала государство и новую этническую общность.

В борьбе с язычеством церковь использовала государственную силу, но за это государство, в свою очередь, стало пользоваться услугами церкви. Государственное и церковно-религиозное начало в этносознании народности все время находятся в противоречивом единстве. Когда к XIV в. обозначится множество раздробленных княжеств и термин «Русь» практически выйдет из употребления, единственным скрепляющим территорию в Древней Руси актором останется РПЦ, превратившись в важного посредника в межкняжеских спорах и войнах. Утеря политического, территориального, экономического единства долгое время будет компенсироваться единством церковной организации и религиозной жизни. Например, до XVII в. даже в государственной символике России господствуют религиозные атрибуты: Спас Нерукотворный на военных стягах, Георгий-Победоносец на гербах и др. Собственно династическая символика, например родовой герб Романовых, не сыграла почти никакой роли в становлении национально-государственных символов.

Характерной особенностью следующего этапа этногенеза (нациообразование) является то, что этноконсолидирующие детерминанты впервые начинают действовать синхронно и скоординировано. Ранее разрозненные этномаркеры (в аграрном обществе у различных социальных групп в основе чувства «мы-группа» лежат разнообразные маркеры: у крестьян территориальный, у чиновничества – государство и т. д.) начинают объединяться. Именно в это время этническое сознание завершает свое становление и впервые получает совершенно самостоятельное значение в структуре общественного сознания.

Особенности этнического сознания. Одна из характерных особенностей этнического сознания как формы общественного сознания состоит в том, что, с одной стороны, оно предстает как самое стабильное и одновременно самое изменчивое мироощущение; внутри него происходят колоссальные коллизии (религиозные и гражданские войны и т. п.), но, с другой стороны, оно преодолевает любые из них; оно обычно как бы «спит», забитое другими социальными потребностями и интересами, но и легко просыпается (термины «национальное возрождение» и «национальное движение» говорят в этом отношении сами за себя) и привносит кардинальные преобразования в социум.

Меняются (отменяются) классы и классовое самосознание, религиозные предпочтения, формы государственного устройства и политические идеологии, но этнос и этноцентрическое самочувствие все время присутствует в истории. Например, в религиозно-конфессиональной области мы видим явное прерывание непрерывности: христианство при переходе к народности с корнем уничтожило язычество в древнерусском обществе, а государственный атеизм уже в советское время активно искоренял религию как ложную форму отражения действительности. Однако субъект этнического самосознания без устали продолжает вести ведущую работу по реконструкции своей этнической истории из кусков прошлого (как тут не вспомнить о «постоянном плебисците» Э. Ренана [5]), а этнос тем самым осознает себя вечным.

Можно утверждать, что появление самой непрерывности в истории этнической памяти народа является рубежом перехода от протоэтноса к этносу (у восточных славян, вероятно, это произошло в I тыс. до н. э.). Можно позволить себе и более сильное утверждение: этническое самосознание есть своего рода стремление человека видеть себя бессмертным в прошлом и будущем. Конкретный русский или татарин не помнит себя и не знает свою родословную дальше определенного колена, однако – как «русский» или «татарин» – он может отыскать себя в самых темных глубинах истории.

Непреходящая структурность этнического сознания выступают как четкое отражение сосуществования и борьбы в каждый период разных тенденций в развитии этноса. Так, этническое сознание всегда состоит из нескольких «мы» (прошлое, настоящее и будущее в развитии этноса), каждое из которых при определенных исторических обстоятельствах могло бы состояться или не состояться, быть таким и стать другим. К тому же, оно всегда включает в себя диалектику других социальных «мы-они», иерархия различных «мы» и «они» всегда находится в движении. Вот два соответствующих исторических примера.

Древнерусская народность, с одной стороны, не превратилась в одноглавую русскую нацию, а дала целых три нации. С другой стороны, на базе древнерусской народности выросло лишь три нации, а могло быть и большее количество (в момент феодальной раздробленности существовало около 250 отдельных княжеств). К тому же, если бы не Москва, а Литва как альтернативный центр созиания русских земель состоялась в качестве центrostремительной силы, то этническая история у всех трех восточнославянских наций была бы иная.

Далее. У славянской интеллигенции Австро-Венгрии XIX в. было три основные идеологии: 1) иллиризм, т. е. идея «единого славянского народа» (Штур, Коллар и др.); 2) австрославянизм: восемь славянских народов образуют в составе Австро-Венгрии единый народ и провинцию «Славию» (М. Мар); 3) национализм: «Мы все славяне, но сначала мы чехи, словаки, русины и т. д.»

(Гавличек-Боровский и др.). И любая из этих идеологий могла осуществиться при определенных обстоятельствах.

Этническое «мы» напрямую зависит от набора и характера взаимодействия с «они». Как удачно сформулировал Ю.В. Бромлей, «этносы – категория сопоставительная», т. е. осознание единства происходит в контексте противопоставления другим. Пока нет разделения с «ними», до тех пор нет «нас», т. е. объективно существующее единство не может актуализироваться или существенно размывается другими группоцентризмами (классовый лозунг «Пролетарии всех стран, объединяйтесь» – хорошее тому подтверждение). Тот же первоначальный этноним древнерусской народности («русский язык») появляется вместе и на фоне противопоставления им («немцы» и др.).

Отсюда неизбежный вывод: этническое сознание есть, в первую очередь, осознание этносом самого себя на фоне своего отличия от других и если бы у этнического сознания не было антипода(ов), оно бы, может быть, и не развивалось под воздействием внутренних коллизий, но никогда бы не смогло дойти до своих крайних форм (национализм, шовинизм и проч.). Известное присловье «Я – патриот, ты – националист, а он – шовинист» свидетельствует о том, что даже национально-забоченное сознание отделяет патриотизм от национализма, пытаясь оправдаться и спрятаться в первом из них.

Таким образом, этническое сознание изначально, базисно и почти всегда бессознательно основано на различении и противопоставлении «мы-они». Поэтому определения, фиксирующие лишь «мы»-характеристики этнической общности не дают и в принципе не могут дать полного представления о генезисе, характере, структуре и функциях этнического (национального) сознания.

Еще одна черта, раскрывающая природу этнического сознания и во многом вытекающая из предыдущих, состоит в его архаичности. Именно в силу своей исторической глубины, противоречивости и обязательной эмоциональной окрашенности оно тяготеет к архетипическим социально-психологическим образованиям. В силу этого оно всегда основано на положительных и отрицательных авто- и гетеростереотипах и не может вырваться из тисков клишеобразности.

Форма и содержание связи «мы-они» есть инобытие составляющих эту связь элементов: внутреннее монолитное единство достигается исключительно в условиях тотального отрицания иных этносов, а глубокая внутренняя социальная дифференциация того или иного этноса обязательно сопровождается экономическим, социально-политическим, культурным и иными видами со-бытия этносов (это со-бытие дружественных и недружественных этнических групп обслуживают самые различные исторические «измы» – пролетарский интернационализм, конфессиональный космополитизм, экономический интегративизм и т. п.).

Закономерности и тенденции развития этнического сознания. Объединенные вместе – структурный, функциональный и генетический подходы к анализу этнического сознания – выводят нас на выявление и описание некоторых общих закономерностей его формирования и тенденций развертывания.

Этническая идентификация («мы») проистекает, как минимум, из общности языка, территории, экономической, государственной и культурной жизни. Однако степень важности и характер взаимодействия этих и иных детерминант этнической консолидации в те или иные исторические эпохи весьма

разная. Например, характерной особенностью нациообразования является то, что этноконсолидирующие детерминанты впервые начинают действовать синхронно и скоординировано. Ранее разрозненные и разнонаправленные этномаркеры (в аграрном обществе у различных социальных групп в основе чувства «мы-группа» лежат различные маркеры: у крестьян территориальный, у чиновничества – государство и т. д.) начинают объединяться. Именно в это время этническое сознание завершает свое становление и впервые получает совершенно самостоятельное значение в структуре общественного сознания.

Надо еще раз подчеркнуть, что наибольшей эвристичностью при выявлении закономерностей и тенденций в развитии любого этнического сознания обладает отслеживание коэволюционных взаимосвязей этно- и социогенеза, политогенеза, теогенеза, лингвогенеза и т. д. Так, конкретно-исторический тип социальной структуры не только задается количеством и качеством (иерархией) ее структурных элементов, но определяется также характером главной социальной страты.

В период становления наций специалисты в области общего этногенеза в качестве ведущей называют тенденцию взаимообюдного стремления друг к другу этнического и политического начал. Недаром появился специальный термин («государство-нация»), обозначивший как цель, так и содержание данного процесса. На уровне племени (рода) еще нет ни этнического, ни политического сознания в качестве самостоятельных величин; на уровне народности политический фактор уже превращается в одну из важнейших этнодетерминант; на уровне наций мы уже наблюдаем, что политические символы начинают выполнять заглавную этномаркирующую функцию.

Конечно, ни одно государство не смогло стать строго однонациональным. И в этом оказывается наследие народностного этапа в развитии любого этноса, когда государство оставалось в целом равнодушным к этнической принадлежности своих подданных и не заботилось о своей этнической гомогенности (даже наоборот – стремилось к максимальному захвату чужих территорий и народов). Тем не менее, любая формирующаяся нация стремится обрести собственное государство, а государство стать национальным. В общественную жизнь врывается идеология национализма.

В целом взаимосвязь «этнического» и «социального» в ходе истории носит диалектический характер: «этническое» зависит от других типов «социального», но не сводится к ним. Выявляя и вычленяя различные культурные, политические и прочие компоненты этнического сознания, мы в итоге все равно находим некоторый «остаток», который к тому же обладает эмерджентным свойством по отношению к своим «социальным» компонентам.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.
2. Волкан В., Оболонский А. Потребность иметь врагов и друзей // Дружба народов. 1992. № 7. С. 171–184.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 642 с.
4. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

5. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т. / пер. с франц. под ред. В.Н. Михайловского. Киев, 1902. Т. 6. С. 87–101.
6. Тишков В.А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву). [Электронный ресурс]. URL: https://etnografia.kunstkamera.ru/files/etnografia_journal/2023_01/01_tishkov.pdf (дата обращения – 10.09.2025).
7. Федоров С.Е., Филюшкин А.И. История и теория наций и национализма. СПб.: СПбГУ, 2016. 208 с.
8. Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М.: Наука, 1980. 337 с.

Ethnic consciousness: the main lines of analysis

V.A. Mikhaylov, S.V. Mikhaylov

Tver State University, Tver

The article analyzes the main directions of research on ethnic consciousness. Their capabilities and interdisciplinary nature are revealed. The main trends of ethnogenesis and the features of ethnic consciousness at each of its stages are traced. Some important features of the historical development of Russian ethnic consciousness are characterized.

Keywords: nationality, nation, clan, tribe, ethnic group, ethnic identification, ethnic consciousness, ethnogenesis.

Об авторах:

МИХАЙЛОВ Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Mikhaylov.VA@tversu.ru. ORCID: 0000-0002-1534-0994, Spin-код: 9854-2220.

МИХАЙЛОВ Сергей Валерьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Mikhaylov.SV@tversu.ru. ORCID: 0000-0002-0584-0530, Spin-код: 9375-7480.

Authors information:

MIKHAYLOV Valery Alekseevich – PhD (Philosophy), Professor, Head of the Department of Sociology, Tver State University, Tver. E-mail: Mikhaylov.VA@tversu.ru. ORCID: 0000-0002-1534-0994, Spin-code: 9854-2220.

MIKHAYLOV Sergey Valerievich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Tver State University, Tver. E-mail: Mikhaylov.SV@tversu.ru. ORCID: 0000-0002-0584-0530, Spin code: 9375-7480.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2025.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2025.